

Микрорайон

Здесь теперь вечерами
Огней разноцветные вспышки
Зажигаются весело
В каждом окне...
Ну а раньше стояли
На этом месте домишки,
И хозяин сдавал
Сырую комнату мне.
Я его ненавидел,
Я своего «благодетеля»
В суд бы отвёл,
Но что поставить в вину?
Нет, судить его не за что,
Он человек добродетельный,
Он в пьяном угаре не бил
Толстуху-жену.
Своим, не чужим,
Торговал в толчее базарной,
В чужие дома не лазил,
Упаси его Бог, не крал.
Он ползарплаты моей
Брал у меня регулярно
И при этом, жалея меня,
Виновато вздыхал.
А потом вечерами
В сытом, тупом довольстве
Он со мной толковал:
За какие такие грехи
С девяти до шести
Я работаю на производстве,
А с шести до двенадцати
«Задарма составляю» стихи?
Он, конечно, не знал,
Что я для того работал
И стихи сочинял,
Задыхаясь в табачном дыму,
Чтобы выстроить тысячи
Новых домов добротных,
Чтобы в жизни не было
Места ему.

● ● ●
И я в редакции на приступ
Был каждый день идти готов,
Но миновал счастливый приступ
Изобретения стихов.

Закономерны перемены,
Луна—старо,
Любовь—старо.
Для каждой девочки надменной
Не схватишь вечное перо.

Но что-то сумрачное мучит,
Уводит вдаль от мудрых книг.
А жизнь всё учит, учит, учит,
А я не лучший ученик.

И где-то,
Может, в чистом поле,
Придя отчаянно к нулю,
Жестокий приступ
Чьей-то боли
Своею болью
Утолю.

И человек равнодушно
Начнёт внимать моей строке.
И человеку станет душно
В нейлоновом воротнике.

Чтобы он мог у слов погреться,
Себя на строки изведёшь.
Не руку ты кладёшь на сердце,
А сердце
На руку кладёшь.

Окно зелёное не гаснет

Триптих

Почтарь.
Урядник обязательный.
Поп с попадъёй.
Толкует всяко:

- Всё пишет.
- Видно, из писателей.
- Пи-са-ка...

Над Шушенским пуржисто, ветрено.
Окно зелёное не гаснет.
Перо поскрипывает медленно
И неопасно.

Пока перо в руках у Ленина,
Но скоро, скоро
Ударит по всему, что временно,
«Аврора».

Ахнет залп по чинушам
По заносчивым,
По «мундирам голубым»,
По доносчикам.

Ахнет залп по тюрьмам,
По скудости,
По казённой по уверенной
Тупости.

А Россия Распутиным вверена—
Временно.
Сколько Пушкиных Россией растеряно—
Временно.

Ой, российское горе немерено—
Временно.
Ахнет залп весомо, уверенно
По всему, что в России временно.

Набухли на берёзах почки,
И пахнет прелью и землёй.
Райком. Гостиница и почта.
И клуб под солнцем— золотой.

Иду по тротуарам новым,
Тот дом заветный нахожу.
По жёлтым лесенкам сосновым
В него задумчиво вхожу.

Зачем же здесь музейный запах?
И стынут книги под стеклом?
Вот секретер с зелёной лампой
И с тем особенным пером.

Мне чудится:
Движеньем скорым,
Предчувствиями озарён,
Возьмёт Ильич перо,
Которым
Был старый мир приговорён.

И снова Шушенское.
Вот он, лиственничный,
Тот дом, окошком в пожелтевший сад.
И сумрак вдумчивый
И до того привычный,
Как будто здесь когда-то жил я сам.

Схожу с высоких вымытых ступеней,
Иду к реке на невысокий склон.
За подвесным мостом сияет лес осенний,
Там некогда прогуливался он.

Я снова здесь.
Ступаю осторожно
В шуршащий лёгкий золотой настил.
Я снова здесь.
В душе моей тревожно.
А так ли я и чувствовал, и жил?

А был ли я к делам людским причастен?
Добавил ли на малый миллиграмм
Своей земле и теплоты, и счастья?
Или хотя бы
Был я счастлив сам?

Умел ли думать празднично и вольно?
Для трудной правды доставало ль сил?
И листья отрываются не больно
От раскалённых докрасна осин.

Я паутинку здесь не потревожу,
Пускай скользнёт по моему лицу.
Я ровно на двенадцать лет моложе,
Чем выстрел тот по Зимнему дворцу.

Виски уже седы у поколения.
Но, сердце милое, прошу я: не старей.
Я снова здесь,
Но не для поклонения,
А чтобы видеть дальше и острее.
И мы ещё не обнищали силами.
У правды неприступны рубежи.
И хочется отнять слова красивые
У ханжества,
У глупости,
У лжи.

● ● ●
Опять зовёт Полярная звезда.
Опять прощальных слов мы не сказали.
Всхожу на белый трап.
И, как всегда,
Никто не плачет в аэровокзале.

Не всё я объяснить себе могу:
Всё в мире ясно так
И всё так сложно.
Я, может быть,
От самого себя бегу,
А может быть,
Ищу себя тревожно.

Виски припорошило сединой,
Так просто не смахнёшь её рукою.
Я, воспевая звёздный непокой,
Хочу тепла,
И крыши,
И покоя.

Но вновь,
Раскинув руки,
Мчится Ту—
Внизу грустит земля ветров и кедров.
И сердце
Разорвётся
На лету
На высоте
Двенадцать тысяч метров.

Скорость

Встал дурак. На дворнягу поцыкал.
За рога схватил мотоцикл.

И пошёл на всех оборотах,
Аж до уха летит слеза.
И скулят на крутых поворотах,
Как собачья боль,
Тормоза.

● ● ●
Зачем вы о бессмертье?
Понемногу
Нам уходить придётся всё равно.
Бессмертья нет.
И это слава Богу,
Что нет его,
Не светит,
Не дано.

Берёза, прорастая из глазницы,
Соприкоснётся с ветром и лучом.
В её ветвях затенькают синицы.
Живёт берёза.
Мы-то тут при чём?

Растаем, как и этот снег растает.
Всё, что хотел, сегодня доскажу,
Пока ещё окно запотеваает,
Когда я сквозь него на свет гляжу.

● ● ●
Пожелтевший
Последний листок тальника,
Словно лодку без вёсел,
Уносит река,
И у берега кромка стекла,
И вот-вот
Ломкий лёд
Непослушную воду скуёт,
А на лёд
Упадёт голубеющий снег.
И покажется—
Кончен стремительный бег.
И движение замерло...
Но и тогда
Вечный бег
Подо льдом
Продолжает вода.